

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Осипов Е.А. Все началось в 1989 г. 35 лет кризису национальной и религиозной идентичности во Франции // Genesis: исторические исследования. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.12.72666 EDN: UXXECJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72666

Все началось в 1989 г. 35 лет кризису национальной и религиозной идентичности во Франции

Осипов Евгений Александрович

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН

119334, Россия, г. Москва, ул. Ленинский Проспект 32а, 26

✉ eaossipov@gmail.com

[Статья из рубрики "Культура и культуры в историческом контексте"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.12.72666

EDN:

UXXECJ

Дата направления статьи в редакцию:

05-12-2024

Дата публикации:

12-12-2024

Аннотация: В статье рассматриваются истоки зарождения во Франции кризиса национальной и религиозной идентичности, вызванного постепенным распространением ислама в стране и религиозной радикализации молодежи. Среди прочего, автор рассматривает социально-экономические факторы, которые способствовали изменению структуры французской экономики в 1970-е гг., окончанию так называемого «славного тридцатилетия», росту безработицы среди молодежи, что в итоге привело к тому, что созданные в годы послевоенного экономического роста «зоны приоритетной урбанизации» в пригородах крупных городов превратились в «зоны чувствительной урбанизации» с преобладающим мигрантским населением. Внимание уделено и резкому росту цен на нефть в 1970-е гг., что с одной стороны изменило к худшему состояние экономики европейских стран, а, с другой стороны, принесло дополнительные доходы

нефтедобывающим странам и позволило Саудовской Аравии вкладывать средства в мусульманские общины Европы, прежде всего Франции. Статья основана на современной французской историографии и документах из архива МИД Франции, позволяющих проследить генезис формирования кризиса национальной и религиозной идентичности в современной Франции. Автор приходит к выводу, что основные события произошли в 1989 г. Прежде всего, речь идет о фетве аятоллы Хомейни с призывом к убийству британского писателя индийского происхождения Салмана Рушди. До этого момента считалось, что издаваемые в разных частях исламского мира фетвы распространяются только на ту территорию, на которую распространяется духовная власть ее автора. В данном случае речь шла о территории Ирана. Однако, аятолла Хомейни придал своей фетве всеобщий характер. Европа была названа территорией, где распространяется ислам, а мусульмане в ней перестали быть мигрантами и, соответственно, по логике аятоллы, получили полное право требовать распространения норм шариата на европейскую территорию. А последовавший за этим скандал с ношением религиозной одежды в колледже города Крей в сентябре-октябре 1989 г. вызвал во Франции широкую дискуссию о распространении ислама в стране и впервые поставил этот вопрос в центр политической повестки, став, таким образом, отправной точкой к формированию полноценного кризиса национальной и религиозной идентичности в современной Франции.

Ключевые слова:

Франция, Идентичность, Ислам, Аятолла Хомейни, Пятая республика, Школа, Религия, Крей, Мусульманский платок, Кризис

Всё началось в 1989 г. Многие французские ученые, среди них, например, знаменитый арабист Жиль Кепель [\[1, 2\]](#) или не менее известный философ Ален Финкелькраут [\[3\]](#), при описании разрастающегося кризиса религиозной и национальной идентичности, проявляющегося в постепенном распространении ислама в стране и радикализации молодежи, истоки этого кризиса, не только во Франции, но и в целом в Европе, видят именно в событиях 1989 г. Год был богат на события глобального характера. Вывод советских войск из Афганистана, падение Берлинской стены – 1989 год стал одним из самых важных в послевоенной истории мира. Во Франции тогда отмечали еще и двухсотлетний юбилей Французской революции. Каковы основания считать, что именно 35 лет назад во Франции начался тот кризис, про который постоянно говорят и внутри Пятой республики, и за ее пределами.

Существует множество объективных предпосылок, которые превратили вопрос о трудовых мигрантах во Франции в проблему распространения ислама, часто в его радикальных формах, ставшую заметной для французов в конце 1980-х гг. Во-первых, постепенно менялся международный контекст. В 1973 г. в результате новой арабо-израильской войны случился первый, так называемый, «нефтяной шок» [\[4\]](#). Цены на нефть выросли примерно в четыре раза. Всего за 1970-е гг. они выросли примерно в 10 раз. Для европейских стран, зависимых от поставок «черного золота», эти события имели драматические последствия для экономики. Высокая инфляция, девальвация национальных валют, рост безработицы и снижение покупательной способности населения – все это надолго стало главной составляющей жизни европейцев, а период быстрого восстановления после Второй мировой войны сменился чередой кризисов. Что же касается стран-поставщиков нефти, то для них новая ситуация, наоборот, означала

расширение из возможностей. Некоторые арабские страны, прежде всего Саудовская Аравия, получили, таким образом, возможность финансировать развитие ислама в Европе, что в среднесрочной перспективе коренным образом изменило жизнь мусульманских общин в европейских странах.

В 1977 г. в Париже начала свою работу Мировая исламская лига, которая в будущем будет контролировать значительную часть мест исламского культа во Франции. В 1980 г. в Брюсселе открылся региональный европейский совет Высшего совета мечетей, а в 1982 г. там же возник Исламский институт подготовки проповедников и имамов в Европе.

Существенным образом на мусульманскую диаспору Франции повлияла и Исламская революция в Иране 1978-1979 гг. Несмотря на то, что в отличие от шиитского Ирана, большинство проживавших в Европе мусульман были суннитами, события в Иране придали импульс развитию ислама во всем мире, продемонстрировав, что борьба с западным миром может быть успешной.

События в Иране повлияли и на восприятие ислама во Франции. До Иранской революции выходцы из стран Магриба и Черной Африки рассматривались в Пятой республике, и в Европе в целом, как трудовые мигранты, даже несмотря на то, что многие из них к тому времени уже перевезли во Францию свои семьи, и на улицах французских городов уже стали появляться женщины в традиционных мусульманских одеждах. Архивные документы показывают, что открытие в 1977 г. в Париже при активном участии Саудовской Аравии офиса Всемирной исламской лиги рассматривалось Парижем как часть двусторонних отношений с Эр-Риядом, вопрос же влияния религиозных мусульманских организаций, финансируемых Саудовской Аравией, на мусульманскую диаспору во Франции не принимался во внимание [\[5, 6\]](#).

Исламская революция изменила ситуацию. В сентябре 1978 г. Департамент Северной Африки и Леванта МИД Франции разослал циркуляр во французские посольства в разные страны с заданием подготовить аналитические записки о роли ислама в них [\[7\]](#). В миграционном вопросе, таким образом, стал постепенно возникать религиозный аспект.

Арабо-израильская война 1973 г. и «нефтяной шок» имели последствия, естественно, не только для арабских стран, где увеличились доходы, но и для европейских, где значительно возросла стоимость жизни. Во Франции это стало одной из причин превращения миграционного вопроса, сначала, в миграционную проблему, а за ней последовала и дискуссия о кризисе религиозной идентичности.

Период послевоенного ускоренного экономического роста вошел во французскую историю как «славное тридцатилетие» и продлился, соответственно, примерно до середины 1970-х гг. В это время естественный прирост населения (послевоенный «бэби-бум») успешно сочетался с привлечением в страну большого количества мигрантов. Рост экономики требовал «свободных рук». За 1945-1962 гг. численность населения Франции выросла на 6 млн человек. С 1957 г. была начата реализация программы по созданию «зон приоритетной урбанизации» - новых кварталов в пригородах крупных городов, в основном это были многоэтажные панельные дома. В эти районы переселялись как молодые коренные французы, так и трудовые мигранты. Всего было создано 197 таких зон.

В период бурного экономического роста зоны приоритетной урбанизации успешно справлялись со своей задачей. Однако, нарастание экономических проблем после окончания «славного тридцатилетия», особенно обострившееся после скачка цен на

нефть и заметного роста безработицы, привело к тому, что кризис больше всего ударил именно по жителям этих новых кварталов. Правительство сократило социальные программы. Начался отток представителей среднего класса из пригородов, где, соответственно, заметно вырос процент мигрантов и резко увеличился уровень безработицы – до 30% среди молодежи [8, p.24]. В итоге, пригороды крупных городов стали превращаться в мигрантские «гетто» с уровнем жизни, сильно отличавшемся от того, что был у коренной части населения. Начался закономерный рост социальной напряженности. Первые столкновения с полицией в этих районах прошли уже в 1971 г. А в 1979 г. состоялись массовые погромы в пригороде Лиона, в 1980-е гг. они уже воспринимались как часть повседневной реальности во многих городах Франции. «Зоны приоритетной урбанизации» в итоге стали «зонами чувствительной урбанизации», а новые кварталы превратились в «трудные пригороды».

Важно, что ухудшение экономической ситуации во Франции не привело, как думали многие французы, к оттоку мигрантов в свои родные края, поскольку странам Магриба и Черной Африки, освободившимся от колониальной зависимости, к тому времени так и не удалось выйти на траекторию устойчивого экономического роста. Франция с ее экономическим кризисом и растущей безработицей все равно выглядела лучшим вариантом для людей, приехавших в Пятую республику на заработки. Трудовые мигранты постепенно становились гражданами Франции и перевозили свои семьи. Существует мнение, что изданный в 1976 г. так называемый «декрет о воссоединении семей» [9] стал как раз точкой отчета к резкому увеличению количества мигрантов в стране. На самом же деле, в этом декрете была прописана практически та же процедура получения разрешения на перевоз семьи во Францию, которая существовала до 1974 г. [1]. В целом же, в 1970-е гг. начался постепенный процесс переезда мигрантов из мусульманских стран во Францию уже на постоянное место жительства, вместе с женами и детьми. А издаваемые правительством законы и декреты в основном фиксировали уже сложившуюся практику. Отсутствие четкой государственной политики по этно-конфессиональному вопросу стало еще одной причиной нарастания кризиса.

На протяжении долгого времени власть самоустранялась от вмешательства в происходившие процессы. Ярким примером стал «марш за равенство и против расизма» 1983 г., когда группа молодых арабов пешком прошла из Марселя в Париж. В начале пути их было всего 17 человек, а по Елисейским полям во французской столице спустя полтора месяца прошло уже около 100 тысяч человек. Марш стал ответом арабской молодежи на рост преступлений против мигрантов, фиксировавшийся тогда в разных частях страны. Фактически марш прошел под лозунгом равенства в правах коренных французов и представителей второго поколения мигрантов. Религиозной составляющей в нем не было.

Сама идея марша возникла в связи с 20-летием знаменитого «марша на Вашингтон за рабочие места и свободу» Мартина Лютера Kinga в 1963 г., где он произнес свою речь «У меня есть мечта...». Для арабской молодежи это шествие в Париж стало настоящим актом самоидентификации, именно тогда они впервые заявили о себе на общенациональном уровне. Для коренной же Франции эти широко освещавшиеся в прессе события стали также поворотным моментом: французы впервые осознали, что речь идет не о трудовых мигрантах, приехавших во Францию на заработки, а о большом количестве их соотечественников, то есть граждан Пятой республики, не собиравшихся никуда уезжать и связывавших свое будущее с Францией.

Несмотря на то, что организаторы марша были приняты в президентском дворце Франсуа

Миттераном, конкретных шагов по упрощению интеграции растущего второго поколения со стороны власти так и не последовало. При непосредственном участии правившей тогда во Франции Социалистической партии была создана существующая и сегодня организация «SOS Расизм». Предполагалось, что именно через нее будет выстраиваться государственная политика в пригородах. Однако, со временем стало ясно, что масштаб ее деятельности был незначительным. В итоге, между мигрантскими организациями и властью в «трудных районах» образовался вакуум, который активно заполнялся радикальными религиозными группировками, действовавшими в основном за счет иностранного финансирования. Со временем появился термин «реисламизация» второго поколения, означавший, что дети приехавших во Францию мигрантов, оказались, во-первых, хуже интегрированы во французское общество, чем их родители (хотя в отличие от родителей многие из них родились во Франции, закончили французские школы и родной язык у большинства из них был французский), а во-вторых, они оказались в большей степени религиозны, чем их родители. Зародилась проблема растущей радикализации арабской и африканской молодежи во Франции.

Все перечисленные выше факторы сформировали французский кризис национальной и религиозной идентичности. Однако, по-настоящему он начался в 1989 г., а отправной точкой к нему послужили два события, одно из них носило международный характер, другое же имело значение именно для Франции.

В феврале 1989 г. высший руководитель Ирана аятолла Хомейни выпустил фетву, в которой фактически призвал к убийству проживавшего в Великобритании писателя Салмана Рушди, автора романа «Сатанинские стихи», который многими воспринимался как богохульство. О значимости фетвы, в том числе, говорит тот факт, что покушение на Салмана Рушди в итоге состоялось в США в 2022 г. Преступником оказался 24-летний выходец из Ливана, то есть он еще даже не родился в тот момент, когда появилась фетва аятоллы. Ее значение, прежде всего, в том, что до этого момента считалось, что издаваемые в разных частях исламского мира фетвы распространяются только на ту территорию, на которую распространяется духовная власть ее автора. В данном случае речь шла о территории Ирана. Однако, аятолла Хомейни придал своей фетве всеобщий характер. Как верно отмечает Жиль Кепель, «приговорив к смерти гражданина Великобритании на территории Великобритании, фетва включила Великобританию в территорию, где действует мусульманский религиозный закон» [\[11, p.15\]](#). Таким образом, Европа была названа территорией, где распространяется ислам, а мусульмане в ней перестали быть мигрантами и, соответственно, по логике аятоллы, получили полное право требовать распространения норм шариата на европейскую территорию. Жиль Кепель, продолжая свою мысль, отмечает, что фетва Хомейни отсылала ко временам Пророка. Покинув Мекку, Мухаммед и его сподвижники сначала чувствовали свою слабость в Медине, однако со временем стали ее контролировать [\[11, p.14\]](#).

Во Франции, где уже тогда была самая большая в Европе мусульманская община, после фетвы аятоллы организация «Братья-мусульмане» (запрещена в России) придала ей суннитское значение: близкий к ним «Союз исламских организаций во Франции» был переименован в «Союз исламских организаций Франции». Все это должно было свидетельствовать, что несколько волн миграции и демографические показатели среди французских мусульман достигли уже той черты, при которой можно говорить не о мусульманах во Франции, а о французских мусульманах и, соответственно, французском исламе.

Второе событие, непосредственно связанное с первым, произошло в сентябре 1989 г.

Три ученицы колледжа в городе Крей, пригород Парижа, были исключены из учебного заведения после того, как отказались снять мусульманский платок (хиджаб) во время занятий, о чем стало известно широкой публике после публикации статьи 4 октября 1989 г. в газете «Либерасьон». Директор колледжа по этому поводу сказал: «Мы не позволим заразить себя религиозной проблематикой» [\[3, p.25\]](#). Очень быстро этот вопрос стал самым обсуждаемым во Франции. Исламская тематика впервые оказалась в центре общественно-политической дискуссии и сразу же расколола французское общество.

Первыми высказались представители официально существующих во Франции культов, поддержав исключенных учениц. Архиепископ Парижа заявил: «Не надо вести войну с подростками-бёрами (*бёрами во Франции называют арабскую молодежь – Е.О.*). Остановить огонь!» [\[3, p.25\]](#). Лидер французских протестантов сказал: «Наша дремлющая Франция просыпается, чтобы снова начать войну с религией. Старая история, которая должна кое-что напомнить людям» [\[3, p.25\]](#). Раввин Франции отметил, что попытка заставить учеников отказаться от их религиозных убеждений представляет собой посягательства на религиозную свободу [\[3, p.25\]](#). Стоит отметить, что в 1989 г., как и сегодня, во Франции официально существовало только три религиозных культа – католический, протестантский и иудейский. Связано это с тем, что в 1905 г., в момент отделения Церкви от государства, на территории Франции в основном были распространены только три религии. Ислам, представленный тогда в основном в колониях, в это число не попал. С тех пор религиозное законодательство не менялось. В итоге, сегодня во Франции, несмотря на то, что ислам является второй по численности верующих и самой практикуемой (по числу регулярно посещающих места культа верующих) религией, ислам по-прежнему не представлен на официальном уровне, что сильно затрудняет выстраивание отношений между государственной властью и многочисленными мусульманскими организациями.

Скандал продолжал разгораться и быстро вышел на политический уровень. 23 октября 1989 г. высказалась жена Президента республики Даниэль Миттеран: «Если сегодня, двести лет спустя после Революции, светскость во Франции не способна вместить в себя все религии, все способы выражения, то это регресс... Платок — это форма выражения религии, мы должны принять традиции такими, какие они есть» [\[12, p.21\]](#). Далее настала очередь и министра национального просвещения Лионеля Жоспена: «Прежде всего, руководители учебных заведений должны начать диалог с родителями и учениками, чтобы попытаться убедить их отказаться от манифестации (*религиозных символов – Е.О.*) и объяснить им принципы светскости...Если, после этих дискуссий, семьи по-прежнему не отказываются от религиозных символов, ребенок, чье обучение является приоритетом, должен быть принят в школе, то есть в классах и коридорах во время перемен. Французская школа создана для того, чтобы обучать и интегрировать, а не для того, чтобы исключать» [\[12, p.22\]](#).

Противоречивое высказывание Жоспена еще больше осложнило ситуацию. Французские интеллектуалы Ален Финкелькраут, Элизабет Бадинтер, Режиc Дебре, Элизабет де Фонтеней и Катрин Кинцлер опубликовали в знаменитом «Нувель Обсерватёр» 2 ноября 1989 г. коллективную статью под названием «Преподаватели: не капитулируем» [\[13\]](#). В ней был прямой ответ Жоспену: «Вы говорите, Господин Министр, что запрещено исключать. Хотя мы и тронуты Вашей добротой, мы Вам отвечаем, что разрешено запрещать...Вести переговоры, как Вы делаете, заранее объявляя, что в итоге уступите, значит – капитулировать...Необходимо, чтобы ученики забывали то сообщество, откуда они родом, и думали о других вещах... Право быть другим, которое так дорого для вас,

является свободой только в том случае, если оно сопровождается правом отличаться от своего отличия. В противном случае это ловушка, даже рабство» [\[13, p.4\]](#).

В том же «Нуфель Обсерватёр» уже мусульманские интеллектуалы выступали с противоположной стороны и призывали к умеренности в оценках и высказываниях, предупреждали об опасности радикализации общественного сознания [\[12, p.25-26\]](#). Уже тогда, в 1989 г., они писали о том, что будет исключительно актуально для сегодняшней Франции. Попытка регулирования со стороны государства, особенно на законодательном уровне, религиозных вопросов воспринимается мусульманским сообществом как действия, направленные против них, а это, в свою очередь, ведет к тому, что умеренные мусульмане, которых большинство, подпадает под все большее влияние радикальных исламистских течений. Так будет не только с вопросом о религиозной одежде в школах, но и, например, с проблемой карикатур на Пророка.

Министерство национального просвещения в итоге обратилось за разъяснениями в Государственный совет Франции, который, с одной стороны, отказался считать, что религиозные символы противоречат светскости, а с другой стороны, выступил против прозелитизма и пропаганды религиозных взглядов, которые мешают учебному процессу. Далее, государственный советник Давид Кесслер к прозелитизму и пропаганде добавит еще такие термины, как «демонстративный» и «провокативный» [\[3, p.29\]](#). Так начнется долгий путь Франции к законодательному запрету религиозной одежды в государственной школе. Через 15 лет, в 2004 г., будет принят закон, в котором прописано: «В государственных школах, колледжах и лицеях запрещено ношение символов или одежды, нарочито указывающих на религиозную принадлежность. Меры дисциплинарного характера могут быть применены только после диалога с учеником» [\[14\]](#). Слабость и закона 2004 г., и решений государственных органов и комиссий в 1989 г., прежде всего, заключалась в том, что такие термины, как «нарочитость», «демонстративность» или «провокативность» носят оценочный характер, следовательно, ответственность за принятие решений в конкретных случаях была переложена на администрации и персонал учебных заведений, которые и стали главной жертвой кризиса национальной и религиозной идентичности во Франции.

В целом, у дела о мусульманском платке в колледже г. Крей было множество истоков. Осложнившаяся социально-экономическая ситуация во Франции сильнее всего ударила именно по незащищенным слоям населения, прежде всего по бывшим мигрантам. Растущая безработица, снижение уровня жизни порождали напряженность в отношениях между властью и мигрантским сообществом. Нежелание французских властей заниматься этой проблематикой, даже после широко освещавшегося в СМИ пешего марша мигрантов на Париж в 1983 г., только усугубило ситуацию. Радикальные исламистские группировки, финансируемые из зарубежных стран, воспользовались тем «вакуумом», который образовался в пригородах крупных городов, и усилили свое влияние на мусульманскую общину Франции. Произошла так называемая «реисламизация» второго поколения.

Были и чисто объективные причины. К 1989 г. в старших классах французских школ (колледжи, лицеи) стало учиться большое количество тех самых мигрантов второго поколения, то есть детей тех мигрантов, которые в 1960—1970-е гг. приехали во Францию на заработки. Ставшие взрослыми дети и их «укоренившиеся» в Пятой республике родители попытались привнести в учебные заведения традиционные для себя нормы и обычаи.

Фетва аятоллы Хомейни против проживавшего в Великобритании Салмана Рушди

придала этому движению глобальный характер, включив европейских мусульман в общеисламские процессы. Скандал с ношением религиозной одежды в колледже города Крей в сентябре-октябре 1989 г. стал, таким образом, отправной точкой к формированию полноценного кризиса национальной и религиозной идентичности в современной Франции.

Библиография

1. Kepel G. La Revanche de Dieu: Chrétiens, juifs et musulmans à la reconquête du monde. Paris, Seuil. 1991. 288 p.
2. Kepel G. La laïcité contre la fracture. Paris, Privat. 2017. 105 p.
3. Finkelkraut A. L'identité malheureuse. Paris, Folio. 2013. 218 p.
4. Глазов А. А. Внутренняя оценка СЭВ состояния мирового рынка черного золота накануне первого нефтяного шока 1973—1974 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2022. – Т. 13. – Выпуск 12 (122). Часть II. URL: <https://history.jes.su/s207987840024084-1-1/>. DOI: 10.18254/S207987840024084-1
5. Archives du ministère des affaires étrangères. Afrique du Nord — Levant — Généralités — Proche-Orient. 1973—1979. 375QO/376. Direction des affaires politiques. Afrique du Nord et Levant. Note. 5 janvier 1977.
6. Осипов Е. А. Открытие офиса Всемирной исламской лиги в Париже в 1977 г. По документам архива МИД Франции // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028700-9-1/>. DOI: 10.18254/S207987840028700-9
7. Archives du ministère des affaires étrangères. Afrique du Nord – Levant – Généralités – Proche-Orient. 1973-1979. 375QO/380. Note de R. Richard. Traditionnalisme et modernisme en Arabie Saoudite. 17 octobre 1978.
8. Augustin M. La vraie histoire de la marche des beurs. Lyon, 2013.
9. Осипов Е.А. Французский декрет о воссоединении семей 1976 г. в контексте миграционного вопроса // Genesis: исторические исследования. 2023. № 11. С.1-9. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.11.68982 EDN: CKAJPM URL: https://e-notabene.ru/hr/article_68982.html
10. Cohen M. Contradictions et exclusions dans la politique de regroupement familial en France (1945-1984) // Annales de démographie historique. № 128. 2014/2. P. 187-213.
11. Bergeaud-Blackler F. Le Frérisme et ses réseaux, l'enquête. Préface de Gilles Kepel. Paris, Odile Jacob. 2023.
12. Gaspard F., Khosrokhavar F. Le foulard et la République. Paris, 2006.
13. Badinter E., Debray R., Finkelkraut A., Fontanay de E., Kintzler C. Foulard islamique: « Profs, ne capitulons pas! » // Le Nouvel Observateur. 2 Novembre 1989. P. 4-6.
14. Осипов Е.А. «Пока все хорошо. Но главное приземление». 15 лет закону о запрете ношения религиозной одежды во французской школе // Политика и Общество. 2019. № 3. С.1-7. DOI: 10.7256/2454-0684.2019.3.29533 URL: https://e-notabene.ru/psmag/article_29533.html

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст "Все началось в 1989 г. 35 лет кризису национальной и религиозной идентичности во Франции" представляет собой высказывание на актуальную тему кризиса европейской идентичности, автор предпринимает исторический

экскурс во Францию конца 1980-ых гг., чтобы увидеть там отправную точку формирующегося "полноценного кризиса национальной и религиозной идентичности в современной Франции". Несмотря на то что основная часть текста посвящена одному инциденту - делу о мусульманском платке в колледже г. Крей - автор доказывает, что это не отдельный инцидент, а маркер глубоких социально-культурных процессов, продолжавшихся десятилетиями. Первая часть статьи как раз постепенно подводит читателя к ситуации 1989 г., обрисовывая фундаментальные - по мнению автора - предпосылки меняющейся социально-религиозной ситуации в Пятой республике: энергетический кризис начала 1970-ых гг., исламская революция в Иране, послевоенная миграционная политика французских властей, издержки "приоритетной урбанизации", реисламизация в среде мигрантской молодёжи и неоднозначные процессы ее самоидентификации и др. Все эти факторы по мнению автора к концу 1980-ых гг. уже прочно укоренились во французской действительности, а их переплетение стало приводить к столь резонансным общественно-политическим событиям как рассматриваемый во второй части статьи инцидент с мусульманским платком в колледже г. Крей, вызвавший широкую дискуссию как в интеллектуальных, так и в околоправительственных кругах, религиозных организациях и т.д. Автор связывает данный инцидент с получившей всеобщий характер фетвой аятоллы Хомейни 1989 г., обозначившей по мнению авторов процесс исламизации Европы. (Реакцию французских властей на подобные инциденты (законы о религиозной символике в учебных заведениях 2004 г.) автор считает запоздалым и малодейственным ("такие термины, как «нарочитость», «демонстративность» или «провокативность» носят оценочный характер, следовательно, ответственность за принятие решений в конкретных случаях была переложена на администрации и персонал учебных заведений, которые и стали главной жертвой кризиса национальной и религиозной идентичности во Франции"). При том что текст лишен некоторых традиционных элементов научной статьи (описание методологии, обзор литературы, указание на степень изученности проблемы или на наличие альтернативных точек зрения), сама по себе статья "Все началось в 1989 г. 35 лет кризису национальной и религиозной идентичности во Франции" является компетентным высказыванием на злободневную тему, а отсутствие вышеупомянутых элементов имеет свою положительную сторону: более динамичное изложение материала, а соответственно - большая привлекательность для читателя. Автор опирается на значительный источниковый корпус архивных материалов, правовых актов и текстов французских авторов. Выводы обоснованы и четко сформулированы. Статья безусловно рекомендуется к публикации.